

группу налогообложения, хотя реальные их доходы уменьшаются).

В целом инфляция разрушительна для рыночной экономики. Поскольку инфляция спроса и инфляция издержек усиливают друг друга, рост цен становится как бы самоподдерживающимся, причем с повышающимися темпами. Самое опасное то, что она порождает у людей инфляционную психологию, когда общественным сознанием овладевает уверенность в том, что инфляция будет продолжаться и дальше. В этих условиях: а) покупатели спешат закупить товаров впрок (про запас), потратить сбережения на потребительские блага, ибо становится бессмысленным превращение части дохода в сбережения; б) рабочие заранее требуют повышения заработной платы «под будущий рост цен», закрепляя свои требования в коллективных договорах с нанимателями; в) предприниматели заблаговременно, в свою очередь, закладывают в цены своих товаров предстоящий рост затрат на рабочую силу, сырье и кредит. В результате этого еще больше увеличивается ажиотажный спрос и резко подсакивает инфляция.

Будучи субъективным явлением, инфляционная психология оказывает вполне реальное и опасное воздействие на экономическую жизнь страны, порождая порочный круг самоподдерживающейся инфляции. Преодолеть такую психологию крайне сложно, но очень важно, иначе победить инфляцию окажется практически невозможно.

Опасность инфляции для экономики страны заключается прежде всего в том, что в ней заложена возможность к перерастанию в гипер-

инфляцию, которая оказывает разрушительное воздействие на всю социально-экономическую жизнь страны, приводя к быстрому обнищанию народа и росту безработицы. Хотя гиперинфляция не уничтожает экономику сама по себе, она разрушает механизм накопления денег для их вложения в развитие производства. При инфляции выгодно быть должником, но невыгодно сберегать деньги и давать их в долг. Поэтому предприятия не могут взять кредиты для покупки инвестиционных товаров (деньги либо не дают, либо требуют непосильно высокий процент). Усилия в таких условиях направляются не на производственную, а на спекулятивную деятельность: предприятиям становится выгодно накапливать сырье и готовую продукцию в предвидении будущего повышения цен. Защищаясь от инфляции, производители и отдельные лица вкладывают капитал не в инвестиционные товары, а на приобретение непродовольственных материальных ценностей (ювелирных изделий, золота, недвижимости и т. д.), что еще более усиливает инфляционное давление. Страна начинает «проедать» свое будущее, уничтожая основу нормального развития экономики.

Особенно опасна непредвиденная гиперинфляция. Приводя к перераспределению доходов в обществе, она задевает коренные экономические интересы людей (особенно наименее защищенной части населения), что неизбежно приводит к социальным конфликтам, росту преступности, падению нравственных устоев общества, общественно-политическим беспорядкам и т. д.

УДК 281.93

ОСОБЕННОСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДА В БЕЛАРУСИ НАЧАЛА XX в.

КОЖИЧ Н. М.

Белорусский национальный технический университет

Восстановление общественного статуса православной церкви обуславливает потребность в анализе тех глубоких внутренних изменений, которые происходили в недрах религиозного комплекса начала XX в. Важным составляющим идеологических процессов того времени

было движение за церковную реформу. Обращение к историческому наследию в данном вопросе связано с тем, что проблемы взаимоотношений церкви и государства, преобразования церковного управления, реформирования прихода, духовной школы стали чрезвычайно акту-

альными [1]. Православие в современных условиях поликонфессиональности, с одной стороны, и всеобщего духовного кризиса, с другой, как никогда заинтересовано в повышении собственного авторитета и налаживании конструктивного диалога с миром.

Как известно, вступление Российской империи на путь буржуазного развития обнаружило несоответствие традиционного православия новым социокультурным условиям. К началу XX в. усилился процесс освобождения различных сфер общественной жизни от влияния религии. С целью сохранения своего влияния на сознание верующих церковь была вынуждена реагировать на происходящие процессы, изменять отношение ко многим явлениям общественной жизни, искать новые способы взаимодействия с паствой. Ядром реформы объявлялось восстановление соборного начала, понимаемое как «широкое взаимодействие и живое общение всех членов церковного организма» [2]. Вопрос о возрождении прихода, наряду с другими, имел первостепенное значение, поскольку приход был тем местом, где протекала значительная часть религиозной жизни православного населения, главным образом крестьян, сохранялась устойчивая система взглядов, стереотипов, ценностей, идеалов. Приход мыслился как «религиозно-нравственный союз», основными функциями которого должны быть благоустройство храмов, контроль за воспитанием и обучением детей, религиозно-нравственное воздействие на население, открытие школ, благотворительность и т. д.

Следует отметить, что в конце XIX – начале XX в. приход как «церковный округ населения, имеющий свой особый храм с причтом, совершающим священнодействия для прихожан» [3], не представлял собой духовную общность: он функционировал лишь как формально-территориальная единица. Архиепископ Литовский Никандр подчеркивал, что «пастыри являются только совершителями богослужения и отправителями треб, но не духовными руководителями своих пасомых, знающими их религиозно-нравственное состояние и идущими навстречу к удовлетворению их духовных запросов. Пасомые со своей стороны равнодушно относятся к делам церкви и, если обращаются к духовенству, и то большею частью по побуждениям чисто внешним – за получением метрической выписки, предбрачных сведений или для совершения той или иной требы, необходимой по требованию гражданских законов» [4]. Такое положение дел обуславливалось ря-

дом причин. Во-первых, приходская община не имела возможности участвовать в избрании священника. Это право принадлежало исключительно епископу. Во-вторых, прихожане не могли полновластно распоряжаться церковными суммами: имущество приходского храма могло изыматься высшими церковными властями. В-третьих, у священнослужителей не было твердого жалованья. Основными источниками доходов являлись плата за требы и земельные наделы, которые нередко обрабатывались самими членами причта. Материальная зависимость духовенства от прихожан порождала многочисленные конфликты, отрицательно влияла на церковную жизнь. В-четвертых, нарастание секулярных процессов, развитие товарно-денежных отношений приводили к разрушению патриархальной культуры, способствовали падению религиозности, индифферентному отношению мирян к церкви. Священник Николай Степуржинский, в частности, отмечал, что, хотя крестьяне «и знают обязанности христианские, но редко осуществляют их на деле, конечно, потому, что религиозное чувство христианское при воспитании не было положено в основание их жизни... церковные праздники... особенно в летнее время, ничем не отличаются от будних дней: гребут в эти дни сено, вяжут снопы и возят с полей; посты же полагают только в том, чтобы не есть скоромной пищи, а упиваться в эти дни вином, ссориться, браниться, производить разные скандалы и грехом не считают» [5].

Первые попытки возродить приход как духовную единицу предпринимались еще в 60-е гг. XIX ст. В частности, в 1864 г. вышло «Положение о приходских попечительствах при православных церквях». Попечительства состояли из местных священнослужителей, церковного старосты, волостного старшины, прихожан, избираемых общим собранием прихода. Эти организации были основаны на началах самоуправления. В их обязанности входило устройство домов для церковного причта, открытие приходских школ и благотворительных учреждений. Однако основной задачей попечительств являлся сбор средств на содержание церкви и урегулирование отношений между причтом и прихожанами. Тем не менее, приход так и не стал юридическим лицом, т. е. не получил прав приобретать на свое имя собственность, принимать участие в распоряжении церковными суммами и недвижимым имуществом. К тому же попытка государства решить проблему материального обеспечения духовенства

не увенчалась успехом. Причиной послужило, прежде всего, увеличивающееся обнищание крестьян в пореформенную эпоху: приходские общины в большинстве случаев выступали против установления причтам твердых денежных окладов. Но вопрос о возрождении прихода, реформировании его жизни не снимался с повестки дня. Светская либеральная печать, земства настаивали на том, что приходские общины только тогда будут нормально функционировать, когда произойдет возврат к принципу выборности священников, когда миряне получат возможность, наряду с членами причта и церковным старостой, заведовать приходским имуществом, принимать активное участие в организации благотворительности, школьного дела, т. е. самостоятельно распоряжаться своими внутренними делами [6]. Данная точка зрения не разделялась представителями клира, так как это подрывало неограниченную власть архиереев в епархиях и противоречило принципу централизованной церковной власти, а введение выборности священников могло бы оставить без мест в приходе образованное духовенство.

В то же время церковь осознавала необходимость пересмотра «Положений о приходских попечительствах» и урегулирования приходской жизни. С этой целью вводились новые правила и инструкции. Например, 12 июня 1890 г. была опубликована новая инструкция церковным старостам. В ней указывалось, что на выборы старосты не требуется разрешение причта; миряне получили право избирать двух представителей, которые один раз в месяц имели возможность проверять состояние церковных сумм. Одновременно прихожане не могли самостоятельно распоряжаться церковным имуществом. Инструкция отменяла право городских дум назначать старост в городские бесприходные храмы. Епархиальная власть получила возможность контролировать, как причты и старосты ведут церковное хозяйство [7]. Следует отметить, что новые постановления и правила только усугубляли противоречия между мирянами и духовенством. Неслучайно в 1905 г. в период подготовки к созыву Поместного собора* Синод потребовал от епархиальных архиереев написать отзывы о необходимых преобразованиях в церковной жизни, в том числе высказать мнение о благоустройстве прихода в религиозно-нравственном, просветительском и благотворительном отношениях. К

данному вопросу внимательно отнеслось белорусское духовенство. Интерес к этой проблеме был вызван, в первую очередь, тем, что в западных епархиях издревле велась острая межконфессиональная борьба, которая особенно усилилась после введения 17 апреля 1905 г. в религиозную политику «начал веротерпимости». Объявив свободу вероисповеданий, этот манифест позволил неправославным конфессиям значительно расширить религиозную пропаганду, активизировать свою деятельность, что нередко приводило к столкновениям между конфессиями, открытой борьбе за паству и идеологическое влияние на белорусских землях. В целях укрепления собственных позиций православная церковь стремилась наладить диалог с верующими, укрепить их религиозность путем расширения проповедничества, благотворительности, народного просвещения и др. Однако все эти вопросы упирались в проблему реформирования приходской жизни. В этой связи епископ Могилевский Стефан утверждал, что «именно с прихода» – «основной ячейки» – следует начинать церковные преобразования [8].

Духовенство не возражало против придания общине статуса юридического лица. В то же время вопрос о предоставлении приходу права распоряжаться церковным имуществом вызвал споры. Большинство архиереев считало возможным предоставить общине право принимать через приходские собрания и советы участие в распоряжении церковным имуществом под контролем священника и епископа. Однако некоторые иерархи придерживались иной точки зрения. Никандр, архиепископ Литовский, настаивал на том, чтобы право распоряжаться церковными суммами по-прежнему оставалось за причтом и церковным старостой: «Чисто хозяйственные функции общины имеют простираяться на заведывание приходскими капиталами и имуществом, но никак не церковными суммами, состоящими... в ведении епископа» [9].

Актуальным оказался вопрос о выборных кандидатах на должности священно- и церковнослужителей в приходе. Значительная часть духовенства считала невозможным или преждевременным введение начала выборности в приходскую практику. По мнению священника Г. Лисовского, «пастырь назначенный более служит делу, долгу, а не лицам, он более старается дело исполнять, а не угождать толпе» [10].

*Собор – собрание епископов для обсуждения важных вопросов церковной жизни.

Епископ Могилевский Стефан считал, что «право это, когда оно усвоится общиной, ведет иногда к прямым злоупотреблениям со стороны избирателей, всегда – к понижению умственного и нравственного ценза избираемых, устанавливая между вторыми и первыми отношения наемничества и тяжелой материальной зависимости» [11]. Белорусское духовенство фактически единодушно признавало, что возрождение прихода может произойти только через полное материальное обеспечение государством клира, а также освобождение духовенства «от обязанности и служения целям светской власти...» [12].

16 января 1906 г. при Святейшем Синоде открылось особое присутствие для разработки вопросов, подлежащих рассмотрению на Поместном соборе. На 4 Отделе этого присутствия, работой которого руководил епископ Могилевский Стефан, обсуждался вопрос о благоустройстве прихода. В результате Отделом был разработан проект «Нормального Устава православных приходов в России» в 109 параграфах. При составлении этого документа Отдел преследовал цель установить тесное общение между верующими, объединить разрозненные элементы прихода: храм, причт, прихожан. С одной стороны, это предполагало усиление пастырской деятельности духовенства, усовершенствование богослужения, школьного воспитания, с другой – принималась во внимание необходимость выделения прихода в церковно-юридическую единицу и введения начал самоуправления. Во главе прихода согласно Уставу должен находиться церковно-приходской совет как исполнительный орган. Его члены: церковный староста, а также представители от причта и мирян избираются приходским собранием. Приход получил право братского суда общины, т. е. «входить в обсуждение нравственного поведения отдельных членов общины и явно порочных лиц лишать права голоса в собраниях, выбора в приходские учреждения и т. п., а в особых случаях, с разрешения епископа, даже лишать на известное время присутствия при богослужении в храме». Тенденция к демократизации прихода проявилась и в том, что члены общины, недовольные постановлениями собрания, имели возможность их обжаловать и лично заявить о своих предложениях. Устав предусматривал организацию миссионерских, просветительных, благотворительных кружков, больниц, обществ трезвости, церковно-приходских учебных заведений, а также профессиональных школ: земледельческих, ремеслен-

ных и др. В то же время приход оставался в ведении епископа, отвергалась выборность священников; весь причт назначался епархиальной властью, прихожане имели право только предлагать кандидатуры на священнические места. Забота о материальном обеспечении клира, устройстве храма, школ, приютов полностью возлагалась на членов общины. Кроме того, миряне должны были собирать средства и на общецерковные нужды – организацию внутренней и внешней миссии, содержание духовно-учебных заведений и др. [13].

Этот Устав вызвал интерес и критику среди представителей духовенства. В Могилеве 19–20 сентября 1906 г. состоялось Епархиальное собрание депутатов от духовенства и мирян, цель которого – определить, насколько «Проект нормального устава православных приходов в России» применим к местным условиям приходской жизни. Однако еще до Обще-епархиального собрания депутатов этот документ рассматривался по указу Духовной консистории на благочиннических собраниях и в церковной печати. Критичным оказалось мнение депутатов-мирян первого благочиннического округа Климовичского уезда: «Вся их забота была направлена к тому, чтобы уничтожить всякое значение епархиальной власти в делах прихода, чтобы предоставить приходам не только полную свободу на началах самоуправления, но и чтобы освободить приходы от обязанности удовлетворять общецерковные и общеепархиальные нужды и даже содержать свои причты» [14].

Многие представители клира считали введение Устава преждевременным. Священник Ф. Чулкевич, депутат первого благочиннического округа Горьковского уезда, полагал, что «прихожанам будет дана слишком большая власть, и, таким образом, священник окажется связанным по рукам и ногам» [15, 738]. В. Голынец, депутат Быховского уезда, также скептически оценил проект. Он считал, что подъем религиозно-нравственного состояния народа, активизация приходской жизни зависят от личных качеств священника, а не от официальных указов и постановлений. По его мнению, «акты полезны лишь для духовенства: они дают ему точки опоры. Дело не в том, что даны ли права, а в том, есть ли в приходе сплоченность, которая не достигается никакими внешними мерами... Единение возможно лишь тогда, когда сплочены души... Душой этого сплочения является пастырь: если он ведет людей к спасе-

нию, то, несомненно, приход сплотиться в одну тесную семью» [15, с. 740–741].

Введение Устава многие считали невозможным из-за бедности прихожан, так как последние не смогут выделять на церковные нужды достаточное количество средств; из-за отсутствия взаимопонимания между священником и прихожанами, аграрных беспорядков и проблем общественно-экономического характера. Однако основная масса духовенства признала возможным введение Устава. Протоиерей Гомельского собора А. Зыков отмечал, что «ссылка на современные политические и общественные настроения, а также на материальную необеспеченность населения не заслуживает серьезного внимания. Устав – самое лучшее средство в борьбе с общественно-экономической неурядицей, ибо приход как организованная единица является самым лучшим оплотом против зловердных течений... Сплоченность прихожан между собою и своим пастырем – величайшее благо для церкви... Сплочение под знаменем Церкви и креста будет событием величайшей важности как в духовном и церковном, так и в гражданском смысле. Приход будет нравственно-церковной и политической единицей» [15, с. 770].

Итогом работ Епархиального собрания стал протокол постановлений, в котором излагались поправки к проекту православных приходов. Большинство внесенных изменений было одобрено и принято 4 Отделом предсоборного присутствия. Наиболее существенной переработке подвергся восьмой параграф Устава. В первоначальной редакции оговаривалось, что приход должен взять на себя заботу о материальном обеспечении причта. Однако «в виду особого исторического положения» православной церкви была отмечена необходимость материальной поддержки со стороны государства. Дополнительным источником доходов духовенства могли быть добровольные пожертвования прихожан за требы [16, с. 845]. Кроме того, приходская община, занимаясь устройством церковно-приходских школ и школ грамоты, в обязательном порядке должна получать денежные пособия от государства и земств [16, с. 846].

Несмотря на внесенные изменения, «Нормальный устав православных приходов в России» на пленарном заседании Предсоборного присутствия натолкнулся на серьезную критику. Поэтому данный проект был принят в каче-

стве подготовительного материала для обсуждения на Поместном соборе. Тем не менее, заседание утвердило два положения, которые имели принципиальное значение. Во-первых, приход оставался под надзором епархиального архиерея и приходского священника; во-вторых, клирики и прихожане, будучи юридическим лицом, получили право совместно распоряжаться приходским имуществом [17]. Является вполне очевидным тот факт, что духовенство в основной своей массе не склонно было предоставлять общинам широкое поле деятельности, поскольку это могло бы значительно сузить права епископов и тем самым подорвать канонические основания церковного управления. Однако тенденция к некоторой демократизации приходской жизни обуславливалась необходимостью спасти саму церковную идею, укрепить религиозную веру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журнал Московской патриархии. – 1992. – № 11–12. – С. 77.
2. Прибавления к Церковным ведомостям. – 1906. – № 4. – С. 179.
3. Энциклопедический словарь: В 82 т. – СПб.: Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон, 1890–1904. – Т. 49. – 1898. – С. 275.
4. Прибавления к Церковным ведомостям. – 1906. – № 36. – С. 2542.
5. Минские епархиальные ведомости. – 1890. – № 18–19. – С. 544–545.
6. Полунов А. Ю. Под властью обер-прокурора: Государство и церковь в эпоху Александра III. – М.: АИРО-XX, 1996. – С. 90–91.
7. Церковные ведомости. – 1890. – № 27. – С. 305–314.
8. Прибавления к Церковным ведомостям. – 1906. – № 4. – С. 179.
9. Прибавления к Церковным ведомостям. – 1906. – № 36. – С. 2543.
10. Минские епархиальные ведомости. – 1906. – № 6. – С. 116.
11. Прибавления к Церковным ведомостям. – 1906. – № 4. – С. 181.
12. Прибавления к Церковным ведомостям. – 1906. – № 3. – С. 116.
13. Прибавления к Церковным ведомостям. – 1906. – № 27. – С. 2141–2153.
14. Могилевские епархиальные ведомости. – 1906. – № 20. – С. 706.
15. Могилевские епархиальные ведомости. – 1906. – № 21. – С. 770.
16. Могилевские епархиальные ведомости. – 1906. – № 24. – С. 846.
17. Прибавления к Церковным ведомостям. – 1907. – № 13. – С. 592.